

Субъективные средства доказывания в уголовном судопроизводстве

Россинский Сергей Борисович,

главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии
Института государства и права Российской академии наук,
доктор юридических наук, доцент
s.rossinskiy@gmail.com

Цель исследования — изучение сущности и рассмотрение системы субъективных средств уголовно-процессуального доказывания, то есть внутренних полезных активов, подлежащих использованию для установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, обоснования позиций сторон и правоприменительных решений.

Методология: при подготовке статьи использовались общенаучные методы (анализ, наблюдение, обобщение, сопоставление, описание) и специальные методы юридической науки.

Выводы. Субъективными средствами уголовно-процессуального доказывания можно признать следующие полезные ресурсы, подлежащие использованию в ходе умственной обработки накопленных сведений, имеющих прямое либо косвенное отношение к уголовному делу: а) глубокие юридические познания, то есть знания законодательства, подзаконных нормативных правовых актов, интерпретационных разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, решений Конституционного Суда РФ и правоприменительной практики; б) общеизвестные, в том числе обыденные, знания; в) правосознание, правопонимание, правовая культура, чувство профессиональной ответственности, правовая нравственность, совесть; г) профессиональный и жизненный опыт.

Научная и практическая значимость. Результаты исследования будут полезны научным и практическим работникам, преподавателям, аспирантам (адъюнктам), студентам, а также всем, кто интересуется злободневными ныне проблемами уголовно-процессуального права в целом и доказывания в частности.

Ключевые слова: доказательства, доказывание, жизненный опыт, обоснованность уголовно-процессуальных решений, правовая культура, правопонимание, правосознание, средства доказывания, субъективные средства доказывания, юридические познания.

Сведи великого множества проблем, сопутствующих возбуждению, предварительному расследованию и судебному разбирательству уголовных дел, особый интерес уже много лет вызывают доктринальные, нормативно-правовые и сугубо практические вопросы, связанные с феноменом доказывания — предусмотренной законом, но при этом подчиненной объективно существующим закономерностям познания и логического мышления деятельности властных и невластных участников судопроизводства, направленной на установление события преступления, виновности лица и других обстоятельств, имеющих значение для надлежащего разрешения задач уголовной юстиции. Данные вопросы уже много лет создают хорошую почву для жарких споров и дискуссий, в которые вовлекаются все новые и новые ученые, государственные и общественные деятели, практические работники и другие специалисты. Причем большинство из этих вопросов, несмотря на столь пристальное внимание, остаются неразрешенными.

В частности, на сегодняшний день не выработана общепризнанная, по крайней мере, разделяемая подавляющим большинством авторов, позиция о сущности средств доказывания; не определена их система, не разработаны единообразные критерии для их классификации. Ученые сходятся только в самом поверхностном, буквальном понимании этого феномена — как неких средств, используемых для нужд доказывания. В остальном их воззрения предполагают множество вариативных позиций, от-

личающихся друг от друга различными оттенками. Хотя содержащиеся в научных публикациях точки зрения все-таки поддаются некоторой систематизации. По крайней мере, их можно условно разделить на широкий и узкий укрупненные подходы.

Сторонники широкого подхода обычно исходили из понимания средств доказывания как двух взаимосвязанных, но тем не менее самостоятельных групп объектов уголовно-процессуального регулирования: а) неких информационных активов, в первую очередь самих доказательств и (или) их источников, способствующих установлению имеющих значение для уголовного дела обстоятельств и обоснованию приговоров либо иных правоприменительных актов; б) следственных действий и прочих процессуальных приемов, связанных с накоплением (собираением), исследованием и проверкой указанных активов¹.

Такой подход к пониманию средств доказывания представляется не вполне удачным. Он размывает содержание данной категории, лишает ее доктринальной ценности, поскольку фактически отождествляет совокупность средств доказывания со всей системой уголовно-процессуального регулирования за исключением отдельных действий и решений органов предварительного расследования, прокурора

¹ См.: Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. 2-е изд. Казань, 1976. С. 91; Горский Г.Ф., Коко-рев Л.Д., Элькин П.С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978. С. 202; Зинатуллин З.З., Егорова Т.З., Зинатуллин Т.З. Уголовно-процессуальное доказывание: концептуальные основы. Ижевск, 2002. С. 145 и др.

и суда, имеющих иное предназначение. Кроме того, сторонники широкого подхода, относя к подобным средствам различные процессуальные и другие приемы, обеспечивающие накопление (собрание), исследование и проверку информационных активов, как правило, начисто забывают о существовании второго, аргументационно-логического компонента доказывания, предполагающего умственную обработку полученных сведений и доведение позиций сторон до субъектов правоприменения.

В соответствии с подобным подходом к средствам доказывания наряду со следственным и судебными действиями, судебными экспертизами и т.д. надлежало бы отнести и прения сторон, и обжалование, и направление возражений, и оценку доказательств, и обдумывание дознавателем, следователем, судьей подлежащих вынесению правоприменительных актов, в том числе совещание суда перед постановлением приговора и т.д. — все эти действия также способствуют достижению целей доказывания. А самой неудачной на этом фоне представляется позиция В.Ю. Стельмаха, ограничивающего средства доказывания лишь действиями, направленными на собирание полезных сведений². Иными словами, автор применяет указанный подход в несколько усеченном варианте, предполагающем полное обесценивание значения, в первую очередь аргументационно-логического потенциала, накапливаемых активов, то есть, по сути, отождествляет доказывание не более чем с техническим собиранием исходного материала.

Поэтому большую доктринальную распространенность все же приобрел иной, узкий подход к пониманию средств доказывания. Его сторонники считали и продолжают считать таковыми лишь сами информационные активы, подлежащие использованию для установления имеющих значение для уголовного дела обстоятельств и аргументации позиций сторон, обоснования приговоров либо иных правоприменительных актов³. Подобный подход представляется гораздо более рациональным. Он предполагает определенную автономность категории «средства доказывания», выделяет эти средства из всей массы других объектов уголовно-процессуального регулирования, придает им более четкий и понятный смысл. Приемлемость использования такого подхода к пониманию средств доказывания косвенно подтверждает и законодатель, но не в тексте Уголовно-процессуального

кодекса РФ⁴ (далее — УПК РФ), а в положениях другого источника процессуального права — Гражданского процессуального кодекса РФ⁵ (далее — ГПК РФ), регламентирующего иные, но все же достаточно близкие, схожие с уголовным процессом, правила установления неких юридических фактов, обусловленные едиными концептуальными основами судопроизводства — в ст. 60 ГПК РФ отмечается, что «обстоятельства дела, которые в соответствии с законом должны быть подтверждены определенными средствами доказывания, не могут подтверждаться никакими другими доказательствами».

Вместе с тем указанный подход тоже не лишен отдельных недостатков. В частности, в подавляющем количестве публикаций совокупность средств доказывания в узком истолковании ограничивается лишь доказательствами, то есть информационными активами, прямо предусмотренными ч. 2 ст. 74 УПК РФ (в более ранних научных источниках — соответствующими положениями прежних Кодексов).

Но согласиться с указанной точкой зрения достаточно сложно. Доказательства — действительно основные, в определенном смысле важнейшие, вне всяких сомнений, наиболее известные и «раскрученные» средства уголовно-процессуального доказывания. По всей вероятности, именно поэтому они и являются объектом столь пристального внимания ученых. Однако подобная популярность доказательств вовсе не подразумевает их исключительности, их единственности для использования в качестве средств доказывания. Ведь по своей сути уголовно-процессуальные доказательства являются не более чем «следовыми» средствами доказывания. Они представляют собой информационные продукты, предопределенные следами-отображениями (следами в широком смысле), то есть материальными или идеальными объектами ретроспективного познания, возникающими или изменяющимися под воздействием различных фрагментов окружающей реальности.

Тогда как современное уголовно-процессуальное законодательство позволяет, а иногда и прямо предписывает использовать для аргументации позиций сторон и обоснования правоприменительных решений принципиально другие, как бы «неследовые» средства, обязанные своим возникновением не столько способности материи к отражению, сколько другим причинам. В частности, предусматривается возможность прибегать к помощи так называемых формальных средств доказывания — неких полезных ресурсов, не возникающих в ходе восприятия и фиксации «следов преступления», а «принимаемых на веру», то есть приобретающих способность к использованию в уголовном процессе

² См.: Стельмах В.Ю. Система средств доказывания в досудебных стадиях уголовного процесса: проблемы теории, нормативного регулирования и практики : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2021. С. 18–19.

³ См.: Галкин В.М. Средства доказывания в уголовном процессе. Ч. 1. М., 1967. С. 6; Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1968. С. 290; Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. М., 1973. С. 212–213; Зажицкий В.И. Доказательства и доказывание по УПК РФ. СПб, 2015. С. 154–155 и др.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

на основании общепризнанности, неоспоримости и (или) прямого указания в законе. Существование таких ресурсов обуславливается свойственными современному обществу социально-правовыми, в том числе «судебными», ценностями, а также хорошо апробированными и неоднократно подтвержденными результатами многолетних наблюдений и исследований окружающей реальности.

На сегодняшний день в силу ряда причин наибольшую известность среди формальных средств уголовно-процессуального доказывания получили презумпции и преюдиции. В ряде публикаций перечень формальных средств доказывания вполне справедливо дополняется другими аргументационными ресурсами. Так, в работах А.В. Смирнова помимо презумпций и преюдиций в качестве таковых рассматриваются: а) ноторные факты (от лат. *nota* — буква) — сведения, вытекающие из общедоступных источников: справочников, календаря и т.п.; б) юридические фикции — факты, схожие по правовой природе с презумпциями, но отличающиеся от них принципиальной невозможностью опровержения; в) доказательственные субституции — особые правовые конструкции, предполагающие замену одного юридического факта другим⁶.

Попадая в распоряжение дознавателя, следователя, прокурора, суда, невластных участников уголовного судопроизводства, доказательства и формальные средства доказывания в своей совокупности подлежат умственной обработке, становятся объектами мыслительных операций, используются сторонами для устного или письменного обоснования своих позиций, а правоприменителями — для обоснования выносимых решений. Иными словами, они превращаются в соответствующие аргументационные ресурсы — в классические логические аргументы, доводы, силлогистические посылки.

На данное обстоятельство уже неоднократно обращалось внимание в научных публикациях, посвященных содержанию и логическим основам процесса доказывания⁷, что в целом можно только поприветствовать. Однако позиции уважаемых авторов представляются далеко не универсальными, не охватывающими всех нюансов, проводимых субъектами доказывания умственных операций, не отражающими всего множества доводов и аргументов, используемых при обосновании правоприменительных решений или позиций сторон. Ведь к аргументационным ресурсам, подпитывающим логику доказывания, в очередной раз относятся только «следовые» доказательства (показания, протоколы, вещественные доказательства и др.), то есть

допускается ровно та же самая вышерассмотренная неточность, которая состоит в отождествлении категорий «доказательства» и «средства доказывания». В частности, не учитываются формальные средства доказывания: презумпции, преюдиции, ноторные факты и т.д.

Правда, справедливости ради, подобное упущение с учетом времени проведения большинства (хотя и не всех!) соответствующих научных исследований, не представляется таким уж серьезным — в конце концов, в указанный период законодателя и научную доктрину вообще не сильно заботили формальные средства доказывания, а ныне легализованные презумпция невиновности и преюдиция даже не входили в сферу уголовно-процессуального регулирования.

Гораздо хуже другое — ученые практически никогда не уделяли внимания принципиально иным, как бы субъективным «внутренним» ресурсам, также играющим весьма важную, если даже не ключевую роль при построении умозаключений, формулировании соответствующих позиций и, как следствие, обосновании правоприменительных решений. Ведь доказательства и большинство формальных средств доказывания характеризуются «внешним» источником происхождения, то есть поступают к соответствующему субъекту извне, посредством умелого использования способностей познания объективной реальности, обеспечивающего возможность накопления соответствующих сведений. Например, как отмечалось выше, доказательства обязаны своим возникновением непосредственному или опосредованному (производному) взаимодействию дознавателя, следователя, суда с материальными либо идеальными «следами преступления» (следами в широком смысле). Работа с формальными средствами доказывания, как правило, тоже (хотя и не всегда!) сопряжена с изучением каких-либо внешних источников — преюдициальных судебных актов, календарей, справочников и т.д.

Вместе с тем для надлежащего проведения умственных операций, построения умозаключений, формулирования соответствующих позиций, обоснования приговоров и прочих правоприменительных актов одних только «внешних» аргументационных ресурсов явно недостаточно. Помимо них, необходимы и принципиально другие доводы, аргументы, силлогистические посылки — ресурсы, предполагающие субъективный источник происхождения, предопределенные взаимодействием субъекта доказывания с собственным «Я», его обращением к «внутреннему голосу», то есть к своим знаниям, право- и жизнепониманию, опыту, другим позитивным свойствам личности, позволяющим правильно обработать накопленные сведения, оценить относимость, допустимость и достоверность каждого из них в отдельности, а также их совокупную достаточность, на основании которой сформи-

⁶ См.: Смирнов А.В. Формальные средства доказывания в уголовном праве и процессе. М., 2019. С. 210, 220, 226.

⁷ См.: Эйсмэн А.А. Логика доказывания. М., 1971. С. 12; Лузгин И.М. Логика следствия. М., 1976. С. 31; Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2009. С. 126; Руденко А.В. Содержательная логика доказывания. М., 2015. С. 7 и др.

лизовать определенную правовую позицию и (или) принять определенное процессуальное решение.

Формирование судейского убеждения, писал известный ученый-процессуалист Ю.М. Грошевой, — это не просто результат влияния совокупности доказательств на сознание судьи. Не соглашаясь со своими коллегами, он совершенно справедливо отрицал возможность примитивного понимания такого убеждения как простого впечатления от исследованных доказательств. Одновременно автор обращал внимание на зависимость принимаемых решений от уровня правосознания судей, их ценностных ориентиров, психологических особенностей личности и других внутренних факторов⁸. Схожую позицию ранее занимали и дореволюционный процессуалист В.Д. Спасович и И.Я. Фойницкий. Первый говорил о двух основных источниках судейского познания: опыте и разуме⁹, а второй — об обусловленности доводов и аргументов (в терминологии тех лет — больших посылок) наличным запасом опыта и приобретенными знаниями¹⁰.

Вообще, подобные субъективные ресурсы в той или иной степени присущи каждому разумному человеку (*homo sapiens*), хотя их качество и содержание сугубо индивидуальны, поскольку зависят от целого ряда факторов, сопутствующих формированию и развитию личности. Именно такие ресурсы и создают условия и ориентиры для рационального мышления, то есть для одной из высших психических функций, отличающих людей от иных представителей земной фауны, в частности от человекообразных приматов, кстати, тоже вполне способных к «техническому» восприятию внешних источников информации. Будучи накопленными посредством процессуальных действий либо иных способов познания объективной реальности, доказательства и формальные средства доказывания соотносятся в сознании субъекта с «внутренними» аргументационными ресурсами, вступают с ними в своеобразную мыслительную реакцию, в логическое взаимодействие, в результате чего выстраиваются умозаключения и формулируются позиции, составляющие основу процессуальных решений либо подлежащие доведению сторонами до правоприменителей в целях оказания влияния на принятие таких решений.

Весьма примечательно, что на использовании в доказывании подобных субъективных ресурсов настаивает и законодатель, прямо предписывая судьям, присяжным заседателям, прокурорам, следователям и дознавателям формировать свое внутреннее убеждение на основе совокупности всех

имеющихся в уголовном деле доказательств и руководствоваться при этом именно законом и совестью (ст. 17 УПК РФ). По всей вероятности, под знанием закона (читай — надлежащим уровнем юридической грамотности) и совестью в данном случае как раз и понимаются субъективные средства, подлежащие использованию в ходе обоснования правоприменительных решений.

Хотя, справедливости ради, все же следует обратить внимание на некоторую неразумность и ограниченность такого нормативного предписания, не учитывающего всех полезных качеств и свойств, и личности, влияющих на внутреннее убеждение правоприменителя как на основной инструмент оценки доказательств. В частности, нельзя поддержать законодателя в стремлении сделать упор именно на совесть дознавателя, следователя, прокурора, судьи, то есть на чувство их нравственной ответственности за свое поведение. Скорее стоит согласиться с Ю.К. Орловым, утверждавшим о неприемлемости полного исключения из числа инструментов оценки доказательств ранее предусмотренного законом правосознания (ст. 71 УПК РСФСР 1960 г.). Предлагая компромиссный вариант решения возникшей проблемы, предполагающий нормативное закрепление обоих субъективных ресурсов — и совести, и правосознания, автор совершенно справедливо писал об оценке доказательств как о весьма далекой от нравственности логической деятельности, опирающейся прежде всего на правильное понимание смысла закона¹¹. В этой связи представляется, что если совесть и оказывает решающее влияние на содержание правоприменительных решений, то лишь в части работы присяжных заседателей — судей факта, непрофессиональных субъектов доказывания, во многом прислушивающихся именно к своему опыту, жизнепониманию и нравственным установкам. Тогда как судьям, прокурорам, следователям, дознавателям, помимо совести, надлежит обращаться и к другим внутренним ресурсам, в первую очередь предопределенным наличием высшего юридического образования.

Ю.М. Грошевой в свое время писал о четырех подобных инструментах, содействующих служителям уголовной юстиции в формировании субъективных убеждений и принятии законных, обоснованных и справедливых процессуальных решений. К таковым автор относил: а) идейно-политическую и нравственную позицию судьи; б) его морально-волевые и интеллектуальные качества; в) уровень его профессионального правосознания; г) уровень его профессионального мастерства¹². Ввиду вполне понятных причин, обусловленных современными социально-политическими стандартами российской государственности, такую позицию вряд ли можно

⁸ См.: Грошевой Ю.М. Проблемы формирования судейского убеждения в уголовном судопроизводстве. Харьков, 1975. С. 24–25.

⁹ См.: Спасович В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судостроительством и судопроизводством. М., 2001. С. 6.

¹⁰ См.: Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. СПб, 1996. С. 194.

¹¹ См.: Орлов Ю.К. Указ. соч. С. 124–125.

¹² См.: Грошевой Ю.М. Указ. соч. С. 25–26.

признать совершенно верной, не подлежащей адаптации к нынешним реалиям развития уголовного судопроизводства. Вместе с тем сама идея, увязывающая доброкачественность правоприменительных решений с целым рядом полезных свойств и качеств личности заслуживает безусловной поддержки.

Итак, с учетом всего вышеизложенного субъективными средствами уголовно-процессуального доказывания можно признать следующие полезные ресурсы, подлежащие использованию в ходе умственной обработки накопленных сведений, имеющих прямое либо косвенное отношение к уголовному делу:

а) глубокие юридические познания, то есть знание законодательства, подзаконных нормативных правовых актов, интерпретационных разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, решений Конституционного Суда РФ и правоприменительной практики, которые приобретаются в ходе профильной подготовки будущих дознавателей, следователей, прокуроров, судей, адвокатов, а также их дальнейшего профессионального развития, в частности систематического самообразования и периодического повышения квалификации. Посредством использования подобных ресурсов обеспечивается возможность надлежащей оценки «внешних» средств доказывания, правильной квалификации доказанных юридических фактов и формулирования соответствующих выводов (позиций), подлежащих отражению в правоприменительных актах и иных

процессуальных документах. Кроме того, эти же познания способствуют надлежащему распоряжению формальным потенциалом писанных и неписанных юридических презумпций;

б) общеизвестные, в том числе обыденные, знания, предполагающие определенную эрудированность субъекта доказывания в сугубо бытовых и тому подобных нюансах окружающей реальности, достигаемой в ходе развития и социализации человека — посредством получения среднего и дополнительного образования, семейного и общественного воспитания, посещения учреждений культуры, чтения, получения различных сведений из средств массовой информации и т.д.;

в) правосознание, правопонимание, правовую культуру, чувство профессиональной ответственности, правовую нравственность, в том числе предусмотренную ст. 17 УПК РФ, совесть, то есть качества, формируемые и вырабатываемые в результате надлежащего правового воспитания юриста¹³;

г) профессиональный и жизненный опыт — полезные ресурсы, обуславливающие так называемый здравый смысл, влияющий на выбор наиболее рациональной и разумной позиции в сложившейся ситуации.

¹³ Подробнее см.: Россинский С.Б. Каким должен быть российский следователь? (к 25-летию Концепции судебной реформы РСФСР) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 10. С. 100.

Литература

1. Галкин В.М. Средства доказывания в уголовном процессе. В 3 частях. Ч. 1 / В.М. Галкин ; под редакцией Н.С. Полевого. Москва : ЦНИИСЭ, 1967. 50 с.
2. Горский Г.Ф. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе / Г.Ф. Горский, Л.Д. Кокорев, П.С. Элькинд. Воронеж : Воронежский госуниверситет, 1978. 303 с.
3. Грошевой Ю.М. Проблемы формирования судейского убеждения в уголовном судопроизводстве / Ю.М. Грошевой. Харьков : Вища школа, 1975. 144 с.
4. Зажицкий В.И. Доказательства и доказывание по УПК РФ / В.И. Зажицкий. Санкт-Петербург : Юридический центр-Пресс, 2015. 439 с.
5. Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное доказывание: концептуальные основы / З.З. Зинатуллин, Т.З. Егорова, Т.З. Зинатуллин. Ижевск : Детектив-Информ, 2002. 228 с.
6. Лузгин И.М. Логика следствия / И.М. Лузгин. Москва : Академия МВД СССР, 1976. 65 с.
7. Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе / Ю.К. Орлов. Москва : Юристъ, 2009. 174 с.
8. Россинский С.Б. Каким должен быть российский следователь? (к 25-летию Концепции судебной реформы РСФСР) / С.Б. Россинский // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 10. С. 91–100.
9. Руденко А.В. Содержательная логика доказывания : монография / А.В. Руденко. Москва : Проспект, 2014. 272 с.
10. Смирнов А.В. Формальные средства доказывания в уголовном праве и процессе / А.В. Смирнов. Москва : Норма, 2019. 240 с.
11. Спасович В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судостроительством и судопроизводством / В.Д. Спасович. Москва : ЛексЭст, 2001. 93 с.
12. Стельмах В.Ю. Система средств доказывания в досудебных стадиях уголовного процесса: проблемы теории, нормативного регулирования и практики : диссертация доктора юридических наук / В.Ю. Стельмах. Екатеринбург, 2021. 522 с.
13. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. В 2 томах. Т. 1. Основные положения науки советского уголовного процесса / М.С. Строгович. Перераб. и доп. изд. Москва : Наука, 1968. 470 с.

14. Теория доказательств в советском уголовном процессе / ответственный редактор Н.В. Жогин. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Юридическая литература, 1973. 736 с.
15. Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания / Ф.Н. Фаткуллин. 2-е изд. Казань : Казанский госуниверситет, 1976. 206 с.
16. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2 томах. Т. 2 / И.Я. Фойницкий ; под редакцией А.В. Смирнова. Санкт-Петербург : Альфа, 1996. 607 с.
17. Эйсман А.А. Логика доказывания / А.А. Эйсман. Москва : Юридическая литература, 1971. 112 с.

References

1. Galkin V.M. Sredstva dokazyvaniya v уголовном protsesse. V 3 chastyakh. Ch. 1 [Means of Proving in the Criminal Procedure. In 3 parts. Part 1] / V.M. Galkin ; pod redaktsiey N.S. Polevogo. Moskva : TSNIIE – edited by N.S. Polevoy. Moscow : Central Research Institute of Forensic Examination, 1967. 50 s.
2. Gorsky G.F. Problemy dokazatelstv v sovetskom уголовном protsesse [Problems of Evidence in the Soviet Criminal Procedure] / G.F. Gorsky, L.D. Kokorev, P.S. Elkind. Voronezh : Voronezhskiy gosuniversitet – Voronezh : Voronezh State University, 1978. 303 s.
3. Groshevoy Yu.M. Problemy formirovaniya sudeyskogo ubezhdeniya v уголовном sudoproizvodstve [Problems of Establishment of Judicial Conviction in Criminal Proceedings] / Yu.M. Groshevoy. Kharkov : Vischa shkola – Kharkiv : Higher School, 1975. 144 s.
4. Zazhitsky V.I. Dokazatelstva i dokazyvanie po UPK RF [Evidence and Proving under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation] / V.I. Zazhitsky. Sankt-Peterburg : Yuridicheskii tsentr-Press – Saint Petersburg : Legal Center Press, 2015. 439 s.
5. Zinatullin Z.Z. Uголовно-protsessualnoe dokazyvanie: kontseptualny'e osnovy [Criminal Procedure Proving: Conceptual Fundamentals] / Z.Z. Zinatullin, T.Z. Egorova, T.Z. Zinatullin. Izhevsk : Detektiv-Inform – Izhevsk : Detective-Inform, 2002. 228 s.
6. Luzgin I.M. Logika sledstviya [The Logic of Investigation] / I.M. Luzgin. Moskva : Akademiya MVD SSSR – Moscow : Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1976. 65 s.
7. Orlov Yu.K. Problemy teorii dokazatelstv v уголовном protsesse [Problems of the Evidence Theory in the Criminal Procedure] / Yu.K. Orlov. Moskva : Yurist – Moscow : Lawyer, 2009. 174 s.
8. Rossinsky S.B. Kakim dolzhen by't rossiyskiy sledovatel? (k 25-letiyu Kontseptsii sudebnoy reformy RSFSR) [What Should a Russian Investigator Be Like? (on the 25th Anniversary of the Concept of the Judicial Reform of the RSFSR)] / S.B. Rossinsky // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika – Russian Laws: Experience, Analysis, Practice. 2016. № 10. S. 91–100.
9. Rudenko A.V. Soderzhatelnaya logika dokazyvaniya : monografiya [The Substantive Logic of Proving : monograph] / A.V. Rudenko. Moskva : Prospekt – Moscow : Prospect, 2014. 272 s.
10. Smirnov A.V. Formalny'e sredstva dokazyvaniya v уголовном prave i protsesse [Formal Means of Proving in the Criminal Law and Procedure] / A.V. Smirnov. Moskva : Norma – Moscow : Norm, 2019. 240 s.
11. Spasovich V.D. O teorii sudebno-уголовny'kh dokazatelstv v svyazi s sudoustroystvom i sudoproizvodstvom [On the Theory of Judicial and Criminal Evidence in View of the Judicial Organization and Judicial Proceedings] / V.D. Spasovich. Moskva : LeksEst – Moscow : LexEst, 2001. 93 s.
12. Stelmakh V.Yu. Sistema sredstv dokazyvaniya v dosudebny'kh stadiyakh уголовного protsessa: problemy teorii, normativnogo regulirovaniya i praktiki : dissertatsiya doktora yuridicheskikh nauk [The System of Means of Proving at Pre-Trial Criminal Procedure Stages: Problems of the Theory, Statutory Regulation and Practice : thesis of LL.D.] / V.Yu. Stelmakh. Ekaterinburg – Ekaterinburg, 2021. 522 s.
13. Strogovich M.S. Kurs sovetskogo уголовного protsessa. V 2 tomakh. T. 1. Osnovny'e polozheniya nauki sovetskogo уголовного protsessa [A Course of the Soviet Criminal Procedure. In 2 volumes. Vol. 1. The Main Provisions of the Soviet Criminal Procedure Science] / M.S. Strogovich. Pererab. i dop. izd. Moskva : Nauka – Revised and enlarged edition. Moscow : Science, 1968. 470 s.
14. Teoriya dokazatelstv v sovetskom уголовном protsesse [The Evidence Theory in the Soviet Criminal Procedure] / otvetstvenny'y redaktor N.V. Zhogin. 2-e izd., ispr. i dop. Moskva : Yuridicheskaya literatura – publishing editor N.V. Zhogin. 2nd edition, revised and enlarged. Moscow : Legal Literature, 1973. 736 s.
15. Fatkullin F.N. Obschie problemy protsessualnogo dokazyvaniya [General Problems of Procedural Proving] / F.N. Fatkullin. 2-e izd. Kazan : Kazanskiy gosuniversitet – 2nd edition. Kazan : Kazan State University, 1976. 206 s.
16. Foynitsky I.Ya. Kurs уголовного sudoproizvodstva. V 2 tomakh. T. 2 [A Course of Criminal Proceedings. In 2 volumes. Vol. 2] / I.Ya. Foynitsky ; pod redaktsiey A.V. Smirnova. Sankt-Peterburg : Alfa – edited by A.V. Smirnov. Saint Petersburg : Alpha, 1996. 607 s.
17. Eysman A.A. Logika dokazyvaniya [The Logic of Proving] / A.A. Eysman. Moskva : Yuridicheskaya literatura – Moscow : Legal Literature, 1971. 112 c.